

УДК 141.1 + 141.2 + 159.955 + 159.954

О. М. Мухутдинов

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ РАССУДКА. ПРОИСХОЖДЕНИЕ РАССУДКА И ЧИСТЫХ РАССУДОЧНЫХ ПОНЯТИЙ В «КРИТИКЕ ЧИСТОГО РАЗУМА» КАНТА

В основании вопроса о происхождении чистых рассудочных понятий и возможности применения этих понятий к предметам опыта находится проблема субъективной дедукции рассудка. Метафизическая дедукция категорий дает ответ на вопрос об априорной возможности категорий. Трансцендентальная дедукция разъясняет конститутивную функцию категорий в опыте. Субъективная дедукция рассудочной способности познания устанавливает взаимосвязь метафизической и трансцендентальной дедукции категорий и показывает генезис рассудка из отношения трансцендентального единства апперцепции «я мысля» к трансцендентальному определению времени.

К л ю ч е в ы е с л о в а: рассудок, категории рассудка, метафизическая дедукция, трансцендентальная дедукция, синтез, способность воображения.

В этой статье я собираюсь обратиться к двум взаимосвязанным темам. Во-первых, речь пойдет о происхождении чистых онтологических предикатов, или категорий, в кантовской критике теоретического разума; во-вторых — об источнике их происхождения. Вторая тема в контексте собственно кантовского понимания вопроса кажется надуманной. Уже в начальных разделах «Трансцендентальной аналитики» Кант совершенно недвусмысленно дает понять, каким образом он собирается разрешить принципиальный вопрос об источнике возникновения чистых категорий. Согласно дефиниции Канта аналитикой понятий называется «расчленение самой способности рассудка с целью изучить возможность априорных понятий, отыскивая их исключительно в рассудке как месте их происхождения и анализируя чистое применение [рассудка] вообще» [1, 165]. Кант, таким образом, остается на позиции догматической онтологии и связывает происхождение категорий с высшей познавательной способностью.

Тем не менее в одной из самых глубоких по содержанию интерпретаций первой кантовской «Критики» — в прочитанной Хайдеггером в зимнем семестре

1927/28 гг. в Марбурге лекции под названием «Феноменологическая интерпретация “Критики чистого разума” Канта» — присутствует тезис, который ставит под сомнение это само собой разумеющееся представление. Хайдеггер утверждает: «Чистое рассудочное понятие возникает из образного, связанного с созерцанием и временем синтеза» [5, 284]. Тем самым происхождение чистых категорий рассудка связывается с чувственностью и способностью воображения! В связи с этим тезисом необходимо вспомнить о том, что в фундаментальной онтологии «Бытия и времени» Хайдеггера источником всех экзистенциально-онтологических понятий является первоначальное настоящее время (*die Zeitlichkeit*). Не является ли в таком случае утверждение Хайдеггера попыткой перенести результаты экзистенциальной аналитики *Dasein* на критическую систему Канта? Соответствует ли тезис Хайдеггера духу трансцендентальной философии Канта? Не является ли требование Хайдеггера понимать Канта лучше, нежели Кант понимал себя сам, формальным прикрытием для тотальной ревизии его системы? Или все же Хайдеггер, опирающийся на основополагающий для феноменологической аналитики «принцип всех принципов», не просто преодолевает рамки традиционной интерпретации системы чистого разума, но и осуществляет прорыв «к самим вещам»?

Эти вопросы не являются праздными и требуют серьезного внимания и детального обсуждения. Именно по этой причине я намереваюсь исследовать здесь рассудок как высшую способность познания и показать, каким образом в трансцендентальной логике Канта решается проблема возникновения чистых априорных рассудочных понятий. Кант последовательно рассматривает указанную проблему в ходе обсуждения метафизической и трансцендентальной дедукции категорий рассудка. Целью метафизической дедукции является вопрос о том, как возможны категории в качестве априорных представлений. Заявленной целью трансцендентальной дедукции становится вопрос о правомерности применения категорий к предметам познания.

Существенным фактором для понимания логики трансцендентальной дедукции в первой редакции «Критики чистого разума» становится следующее замечание Канта: «Это достаточно глубоко задуманное исследование имеет, однако, две стороны. Одна относится к предметам чистого рассудка и должна раскрыть и объяснить объективную значимость его априорных понятий; именно поэтому она и входит в мои планы. Другая сторона имеет в виду исследование самого чистого рассудка в том, что касается его возможности и познавательных способностей, на которых он сам основывается, иными словами, исследование рассудка с точки зрения субъекта, и хотя выяснение этого имеет огромное значение для поставленной мной главной цели, оно, однако, не входит в нее по существу; в самом деле, основной вопрос состоит в том, что и насколько может быть познано рассудком и разумом независимо от всякого опыта, а не в том, как возможна сама способность мышления» [1, 78]. Здесь необходимо отметить, что во втором издании «Критики чистого разума» из трансцендентальной дедукции полностью устраняется субъективная сторона исследования. Однако, как можно будет увидеть впоследствии, отказ Канта от первого варианта трансцендентальной дедукции в пользу по видимости более строгого и логически выверенного построения

не только не решает всех проблем, но и создает дополнительные сложности для понимания взаимосвязи метафизической и трансцендентальной дедукций.

Метафизическая дедукция категорий возникает в рамках предварительной формальной интерпретации сущности рассудка. Рассудок определяется как нечувственная способность познания, деятельность которой заключается в подведении данного представления под общее представление. Такую деятельность Кант называет функцией. Возникающее в результате этой деятельности «представление представления» (*die Vorstellung der Vorstellung*) есть суждение. «Все действия рассудка мы можем свести к суждениям, следовательно, рассудок можно вообще представить как способность составлять суждения» [1, 167]. В высшей степени примечательным является тот факт, что исследование рассудка как высшей познавательной способности в «Аналитике понятий» осуществляется в рамках построения трансцендентальной теории суждения. Тематическим примером для этой теории является утвердительное предикативное суждение, объяснение которого можно обнаружить в кантовских лекциях по логике: «Суждение есть представление единства сознания различных представлений или представление об их отношении, поскольку они образуют понятие» [4, 404]. Предварительное позитивное определение рассудка заключается поэтому в представлении о необходимой функции единства в отношении содержания различных представлений.

Категории рассудка являются действующими в суждениях функциями единства. Но это единство категорий не следует рассматривать с точки зрения общей логики, абстрагирующей от всякого возможного содержания познания. В силу того что мышление состоит на службе у созерцания и именно созерцание является единственным представлением, способным обнаружить предмет познания, категории рассудка следует рассматривать как понятия о предметах. Феноменологически ориентированная теория предикативного суждения достигает представления о том, что формальное мышление — мышление в формальной установке — предполагает интенциональное отношение к объекту познания. Таким объектом для формального мышления становится формально-онтологическое понятие предмета. Мышление в трансцендентальной установке — или, как выражается Кант, трансцендентальная логика — «имеет а priori перед собой многообразное в чувственности, доставляемое ей трансцендентальной эстетикой как материал для чистых рассудочных понятий, без которого они не имели бы никакого содержания, следовательно, были бы совершенно пусты» [1, 172]. Иными словами, мышление в трансцендентальной установке а priori предполагает наличие содержания, которое доставляется формами чувственного познания. Такое мышление тематизирует содержательное представление о предмете в рамках возможной материальной онтологии.

Цель Канта в метафизической дедукции категорий заключается прежде всего в необходимости подчеркнуть принципиальное различие между мышлением в формальной и мышлением в трансцендентальной установке. И в том и в другом случае мышление выполняет функцию единства в отношении возможных способов связывания представлений в познании. При этом общая логика как наука о формальном мышлении «исследует не источник понятий, не то, как понятия

возникают из представлений, но единственно то, как данные представления становятся в мышлении понятиями» [4, 397]. Содержание таких представлений может быть заимствовано из опыта, либо является продуктом эмпирической способности воображения, либо относится к деятельности познавательных способностей. Общая логика рассматривает логическое происхождение понятий по их форме, пользуясь операциями сравнения, рефлексии и абстракции: «Например, я вижу сосну, иву и липу; прежде всего я сравниваю эти предметы друг с другом и замечаю, что они отличаются друг от друга стволами, ветвями, листьями и многим другим; потом я обращаю внимание лишь на то, что они между собой имеют общего: ствол, ветви и листья, абстрагируясь от их величины, фигуры и тому подобного, и в результате получаю понятие дерева» [Там же, 398]. Действие, благодаря которому возникает общее представление по форме, называется рефлексией, а сам процесс возникновения понятий осуществляется аналитически.

Мышление в трансцендентальной установке имеет дело не с анализом возможных представлений, а с априорным синтезом, составляющим основание всей системы познания. Поэтому метафизическая дедукция категорий должна показать происхождение понятий не по форме, а по содержанию. Происхождение категорий обсуждается поэтому не из аналитической, а из генетической перспективы. Кант называет чистые рассудочные категории «первоначальными чистыми понятиями синтеза» [1, 175]. Это выражение имеет в данном случае двоякий смысл. С одной стороны, оно означает, что содержанием категорий всегда является некий синтез а priori данного в созерцании многообразного; с другой стороны, в этом выражении содержится указание на возможное происхождение категорий из структуры априорного синтеза. Поэтому содержательную часть метафизической дедукции необходимо рассматривать в качестве предварительной тематической разработки вопроса о сущности и способах трансцендентального синтеза а priori. Исчерпывающий анализ проблемы априорного синтеза содержится в трансцендентальной дедукции категорий в первой редакции «Критики чистого разума». Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно редакция 1781 г. признается основоположниками феноменологического движения в качестве более радикального по характеру постановки принципиальных вопросов исследования.

Генетический способ открытия чистых понятий рассудка строится на последовательном обсуждении трех типов синтеза. Во-первых, речь идет о пассивном синтезе многообразного содержания чувственного созерцания. Поскольку Кант практически всегда в ходе дедукции понятий имеет в виду априорный синтез эмпирического содержания представлений, он указывает на обе формы созерцания, то есть на пространство и время. Но если принять во внимание замечание Канта относительно преимущества времени перед пространством и дефиницию трансцендентального познания как познания, которое существует исключительно а priori, то можно сказать, что чистый пассивный синтез многообразного в созерцании — это синтез времени (синтез, который лежит как в основании чистого представления о рядоположенности, так и в основании чистого представления о постоянстве, последовательности и одновременности). Пассивный

синтез многообразного — это синтез *a priori* данного в созерцании содержания. Для обозначения этого пассивного синтеза Кант использует термин «синопсис».

Пассивный синтез созерцания является синтезом допредикативного опыта и сам по себе еще не дает познания в строгом смысле этого слова. Познание возникает как результат подведения данного многообразного содержания созерцания под определения мышления. «Однако спонтанность нашего мышления требует, чтобы это многообразное прежде всего было каким-то образом просмотрено, воспринято и связано для получения из него познания» [1, 173]. Эту деятельность просматривания, восприятия и связывания Кант называет синтезом.

Так, во-вторых, в тематическом поле исследования появляется еще одна разновидность синтеза. В данном случае речь идет не о пассивном синтезе данного многообразного содержания, а об активном синтезе, посредством которого осуществляется возведение данного содержания в образ одного представления. Этот синтез, как действие «присоединения различных представлений друг к другу и понимания их многообразия в едином акте познания» [Там же], является действием способности, которую Кант именуется способностью воображения. Априорный синтез различных представлений является здесь продуктом не эмпирической репродуктивной, но трансцендентальной и продуктивной способности воображения. В трансцендентальной дедукции во втором издании «Критики чистого разума» Кант называет этот синтез фигурным. Цель фигурного синтеза заключается в том, чтобы посредством возведения содержания пассивного синтеза в единый образ подготовить почву для подведения этого содержания под функцию единства мышления.

Несмотря на то что синтез способности воображения есть «первое, на что мы должны обратить внимание, если хотим судить о происхождении нашего познания» [Там же], он еще не дает чистых онтологических предикатов, исследованию происхождения которых посвящена метафизическая дедукция. Поэтому аналитика способа открытия всех чистых рассудочных понятий оставалась бы неполной, если бы в ней не присутствовал, в-третьих, специфический, принадлежащий рассудку, синтез единства. Здесь речь идет об акте, посредством которого утверждается единство синтеза многообразного содержания чувственного созерцания *a priori*. Именно в этом акте возникают категории рассудка как чистые онтологические предикаты. Чистое понятие рассудка — это «чистый синтез, представленный в общей форме» [Там же].

Различие трех видов синтеза и вместе с тем их необходимость иллюстрируются на примере следующего рассуждения. Представим себе множество точек, содержащее два конечных подмножества произвольно расположенных точек разного цвета (например, красных и синих). Эти подмножества построены таким образом, что никакая точка красного цвета не находится в окружении точек синего цвета и, наоборот, никакая точка синего цвета не находится в окружении точек красного цвета. Оба подмножества содержат конечное количество точек, не поддающихся мгновенному пересчету. Задача заключается в том, чтобы определить, обладают ли эти подмножества равной мощностью и, если нет, какое из них содержит большее количество точек. Первое, с чем мы имеем дело, это пассивный синтез

многообразного содержания созерцания (произвольно расположенные точки). Второе — активный синтез способности воображения, который позволяет нам определить границы и образ каждого конкретного подмножества, но не дает ответа на поставленный вопрос об определенном количестве точек в каждом подмножестве (хотя и является условием для последующего определения взаимосвязи данных точек как множества). В таком случае только синтез единства, в котором возникает понятие определенного количества, ведет нас к решению указанной задачи. Как только мы подводим синтез содержания созерцания под понятие определенного количества, мы получаем ответ на искомый вопрос. «Понятия, сообщающие единство этому чистому синтезу и состоящие исключительно в представлении об этом необходимом синтетическом единстве, составляют третье условие для познания являющегося предмета и основываются на рассудке» [1, 174].

Тщательный анализ первых шести абзацев главы, посвященной принципам открытия чистых рассудочных понятий, не оставляет никаких сомнений в том, что метафизическая дедукция категорий осуществляется не по форме, а по содержанию, не аналитически, а синтетически, не статически, а генетически. Такой анализ впервые был дан Мартином Хайдеггером в рамках феноменологической интерпретации «Критики чистого разума». Однако традиционная точка зрения, основанная на предубеждении о том, что Кант некритически «дедуцирует» систему категорий из системы суждений общей логики, остается в целом неизменной. Указанное предубеждение содержится в заявлении П. Стросона: «Кант утверждает, что “двенадцать чистых понятий рассудка”, или категорий, являются производными от того, что он рассматривает в качестве двенадцати основных форм высказываний и каждая из этих категорий должна находить применение в опыте, если истинные суждения соответствующей ей формы должны быть высказаны. Это и есть метафизическая дедукция категорий» [7, 30]. Основанием такой дедукции является свойственная Канту «бесконечная вера в тщательно разработанные симметричные структуры, которые он свободно заимствует из определенным образом понимаемой им формальной логики и встраивает в полный объем своего материала. В различных разделах его работы вновь и вновь воспроизводятся одни и те же образцы подразделений, различений и связей» [Там же, 23]. Все это дает Стросону повод охарактеризовать систему трансцендентальной логики Канта как «барочную» философию. Заключение подобного рода можно сделать только в том случае, если формально рассматривать переход от таблицы логических функций рассудка в суждении непосредственно к таблице категорий, минуя при этом собственно движение метафизической дедукции. Однако это принципиальное упущение становится неизбежным именно в том случае, когда чистые рассудочные понятия и связанные с ними суждения рассматриваются в качестве логических объектов. В системе трансцендентальной логики между тем понятия и суждения функционируют в качестве актов.

Проблема взаимосвязи формальной и трансцендентальной логики, возникающая в контексте анализа отношения кантовских таблиц суждений и категорий, является актуальной не только для системы критики разума Канта, но и для феноменологической традиции. Феноменологический вариант решения

данного вопроса является предметом отдельного обсуждения. В шестом абзаце § 10 «О чистых рассудочных понятиях, или категориях» Кант дает ключ к пониманию проблемы: «Та же самая функция, которая сообщает единство различным представлениям в одном суждении, сообщает единство также и чистому синтезу различных представлений в одном созерцании; это единство, выраженное в общей форме, называется чистым рассудочным понятием. Итак, тот же самый рассудок и притом теми же самыми действиями, которыми он посредством аналитического единства создает логическую форму суждения в понятиях, вносит также трансцендентальное содержание в свои представления посредством синтетического единства многообразного в созерцании вообще, благодаря чему они называются чистыми рассудочными понятиями и а priori относятся к объектам, чего не может дать общая логика» [1, 174]. Дело заключается не в том, что Кант переносит структуры формальной логики в область трансцендентальной логики. Суть дела в том, что именно рассудок является основанием аналитического единства представлений в суждении в общей логике и вместе с тем основанием единства синтеза многообразного содержания созерцания в трансцендентальной логике. Параллелизм формальной и трансцендентальной логики возникает в силу того, что и та и другая являются науками чистого рассудка, но реализуются в различной установке.

Генезис категорий включает в себя единство трех видов синтеза — чистого пассивного синтеза созерцания, фигурного синтеза способности воображения и интеллектуального синтеза рассудка. Категории как единства чистого синтеза многообразного содержания созерцания являются условиями возможности опыта. Экспликацию категорий как условий возможности опыта Кант связывает прежде всего с объективной стороной трансцендентальной дедукции, при этом формально трансцендентальная дедукция рассматривается с позиции вопроса *quid juris* и определяется как «объяснение того, каким образом понятия а priori могут относиться к предметам» [Там же, 182]. Тем не менее ход самой трансцендентальной дедукции и рефлексивные замечания Канта, относящиеся к общей характеристике ее содержания, позволяют утверждать, что «юридическая» формулировка основной проблемы трансцендентальной дедукции не отражает сути дела. В первой редакции «Критики чистого разума» доказательство объективной значимости понятий связывается с «возможностью их априорного синтеза» [Там же, 646]. Для этого объективная часть дедукции, а именно вопрос о том, каким образом чистые рассудочные категории являются формальными принципами априорной конституции предмета познания, должен быть дополнен субъективной частью, то есть вопросом о трансцендентальном генезисе рассудка. Эту проблему Кант разбирает во вступительном фрагменте второго раздела редакции трансцендентальной дедукции 1781 г. под названием «Об априорных основаниях возможности опыта». Заключительный, пятый абзац данного фрагмента имеет решающее значение для исследования генезиса высшей познавательной способности. Вместе с тем интерпретация этого фрагмента связана со значительными трудностями, преодоление которых требует серьезных герменевтических усилий и пристального внимания к особенностям построения рассуждения. Речь идет о такой работе, которая требует настоящей кантовской филологии.

В этом фрагменте Кант указывает на синтетический характер нашего познания, что является особенно важным моментом в свете предыдущих заявлений о необходимости изолированного анализа относящихся к структуре познания способностей — чувственности и рассудка. В переводе этот фрагмент выглядит следующим образом: «Если бы всякое представление было чуждо другим представлениям, как бы изолировано и обособлено от них, то никогда не возникло бы ничего похожего на знание, так как знание есть целое, состоящее из сопоставимых и связанных между собой представлений. Поэтому если я приписываю чувству способность обозрения (Synopsis), так как оно в своих созерцаниях содержит многообразие, то этой способности обозрения всегда соответствует синтез, и восприимчивость делает возможным знание, только если она связана со спонтанностью. Эта спонтанность есть основание троякого синтеза, необходимо происходящего во всяком знании, а именно схватывания представлений как модификаций души в созерцании, воспроизведения их в воображении и узнавания (Recognition) их в понятии. Эти виды синтеза ведут к трем субъективным источникам знания, делающим возможным самый рассудок и через него весь опыт как эмпирический продукт рассудка» [1, 700].

Принципиальный вопрос здесь вызывает интерпретация следующего фрагмента: «...способности обозрения всегда соответствует синтез, и восприимчивость делает возможным знание, только если она связана со спонтанностью. Эта спонтанность есть основание троякого синтеза, необходимо происходящего во всяком знании...». Я оставляю в стороне обычный для данного перевода способ передачи содержания немецкого понятия *die Erkenntnis* посредством выражения «знание», которому в немецком языке соответствует *das Wissen*. Вопрос заключается в другом. Познание есть синтез представлений, то есть синтез основанного на восприимчивости чувственного созерцания и возникающих из спонтанной деятельности рассудка категорий мышления. Именно это имеет в виду Кант, когда говорит о связи восприимчивости и спонтанности. Спонтанность является принципом, лежащим в основании всей деятельности рассудка. Но в этом случае приходится признать, что в утверждении Канта заключается тезис, согласно которому спонтанность рассудка является основанием возможности троякого синтеза, делающего возможным спонтанность рассудка. Это предположение является абсурдным.

Оригинальный немецкий текст дает возможность взглянуть на ситуацию с другой точки зрения. Указанный фрагмент в оригинале выглядит следующим образом: «Wenn ich also dem Sinne deswegen, weil er in seiner Anschauung Mannigfaltigkeit enthält, eine Synopsis beilege, so korrespondiert dieser jederzeit eine Synthesis, und die Rezeptivität kann nur mit Spontaneität verbunden Erkenntnisse möglich machen. Diese ist der Grund einer dreifachen Synthesis, die notwendigerweise in allem Erkenntnis vorkommt...» [2, 144]. Указательное местоимение *diese* (эта), которое переводчик по всем правилам относит к понятию спонтанности, на деле относится к *eine Synthesis*. В таком случае смысл фрагмента заключается в том, что пассивному синтезу созерцания соответствует некий основополагающий синтез, который, с одной стороны, является условием возможности подведения созерцания (восприимчивости) под категории мышления (спонтанность),

а с другой — является основанием тройкого синтеза, ведущего к возникновению рассудка и вместе с ним — всего опыта.

Этот первоначальный синтез есть синтез трансцендентальной продуктивной способности воображения.

Предупреждение к разделу, задачей которого является демонстрация конститутивной функции категорий в опыте, обнаруживает внутреннюю взаимосвязь метафизической и трансцендентальной дедукции категорий. В том и в другом случае речь идет о схеме, заключающей в себе тройкий синтез. В том и в другом случае подчеркивается определяющая роль трансцендентальной способности воображения. Но использование понятия «способность воображения» в системе трансцендентальной логики создает предпосылки для неоднозначной интерпретации феномена познания. Терминологическое решение Канта послужило основанием для критики так называемого кантовского психологизма. Познание имеет дело с действительностью, в то время как способность воображения создает представления, не имеющие с этой действительностью ничего общего. И в этом случае ученый-эмпирик мог бы сказать: «то, что не является действительностью, есть воображение, а наука из [представлений] воображения является воображаемой наукой» [6, 41]. Однако даже если согласиться с мнением тех авторов, которые утверждают, что предложенный Кантом термин не соответствует обозначаемому им феномену, то и в этом случае придется признать, что приведенное выше и прочие подобные ему возражения носят исключительно поверхностный характер, поскольку они упускают из поля зрения принципиальный для понимания трансцендентальной способности воображения момент, а именно: сущность способности воображения есть трансцендентальное определение времени.

В трансцендентальной дедукции Кант рассматривает основные структуры трансцендентального определения времени в рамках анализа трех упомянутых ранее видов синтеза: синтеза присоединения в созерцании¹, синтеза воспроизведения в воображении и синтеза распознавания в понятии². В связи с тем что содержательное обсуждение этих видов трансцендентального синтеза является делом отдельного исследования, я ограничусь здесь лишь их краткой характеристикой, необходимой для перехода к основной теме генезиса рассудка.

Кант рассматривает синтез присоединения в созерцании, синтез воспроизведения в воображении и синтез распознавания в понятии в качестве актов, действующих в эмпирических представлениях. Синтез присоединения в созерцании является условием возможности представления многообразного как

¹ Традиционно выражение «*Synthesis der Apprehension*» переводится как «синтез схватывания» [1, 210, 701]. В тексте «Критики чистого разума», изданном в 2006 г. в рамках проекта публикации сочинений Канта на немецком и русском языках, речь идет о «синтезе аппрегензии» [2, 147; 3, 234]. Я использую выражение «синтез присоединения» для того, чтобы содержательно подчеркнуть синтетический характер актов обозрения (*Durchlaufen*) многообразного и собирания его вместе (*Zusammennehmung*) [1, 701; 2, 148] в одном представлении.

² Хайдеггер утверждает, что используемое в трансцендентальной дедукции 1781 г. выражение «*Synthesis der Rekognition*» не является удачным и предлагает понятие «синтез предузнавания» («*Synthesis der Praecognition*») [5, 339]. Для обозначения акта идентификации, присутствующего в данном виде синтеза, я использую понятие «синтез распознавания».

многообразного. Условием такого представления является способность различения «времени в следовании впечатлений друг за другом» [1, 701]. Различение эмпирически данного многообразного основывается на последовательном присоединении друг к другу моментов времени «теперь-теперь-теперь». Синтез воспроизведения в воображении осуществляется в ассоциации представлений, одно из которых относится к настоящему времени и связано с присутствием предмета в сфере опыта, а второе принадлежит предшествующему опыту. Эмпирический синтез воспроизведения основывается на ассоциативной связи моментов времени «прежде — теперь». Синтез распознавания в понятии является условием представления тождества предмета в опыте, причем не только в отношении предшествующего и настоящего, но и в отношении последующего времени. Синтез распознавания конституирует временное единство опыта в движении «прежде — теперь — после». В основании синтеза эмпирического содержания во всех трех случаях находится чистый априорный синтез времени.

Необходимым условием осуществления синтеза распознавания в понятии является трансцендентальное единство апперцепции, или единство «я мыслю», сопровождающее все представления эмпирического сознания. Это единство называется «трансцендентальным принципом единства всего многообразного [содержания] наших представлений» [Там же, 711]. Такое единство является синтетическим, а сам синтез, в силу того что он рассматривается здесь не как эмпирический, а как априорный, является результатом деятельности продуктивной способности воображения.

Основанием всякого возможного опыта является «единство апперцепции по отношению к синтезу способности воображения» [Там же, 712]. Это единство Кант называет рассудком. Если единство апперцепции осуществляется в отношении синтеза эмпирически данного содержания созерцания, то речь идет о рассудке в его эмпирическом применении. Однако если единство апперцепции относится к априорному синтезу времени, осуществляемому трансцендентальной способностью воображения, то оно называется чистым рассудком.

Результатом метафизической дедукции чистых рассудочных понятий является представление о категории как о единстве в отношении чистого синтеза многообразного содержания созерцания. Результатом аналитики субъективных источников познания (субъективности субъекта) в трансцендентальной дедукции является априорное представление о рассудке как о единстве апперцепции в отношении к трансцендентальному синтезу способности воображения, то есть о единстве «я мыслю» в отношении к трансцендентальному определению времени. Это представление, с одной стороны, дает общую трансцендентальную схему предмета познания, а с другой — предвдывает формулировку универсального основоположения всех чистых синтетических суждений а priori.

В таком случае источником происхождения чистых онтологических предикатов, составляющих категориальное основание всех наук о природе, является не теория суждений в формальной логике и не рассудок в его формальном применении, а единство апперцепции в его отношении к трансцендентальному определению времени.

1. *Kant I.* Критика чистого разума // Кант И. Соч. : в 6 т. Т. 3. М., 1964.
2. *Kant I.* Критика чистого разума. 1-е изд. (А), 1781 // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2, ч. 2. М., 2006.
3. *Kant I.* Критика чистого разума. 2-е изд. (В), 1787 // Там же. Т. 2, ч. 1. М., 2006.
4. *Kant I.* Логика // Кант И. Трактаты и письма. М., 1980.
5. *Heidegger M.* Phänomenologische Interpretation von Kants Kritik der reinen Vernunft // Heidegger M. GA. Bd. 25. Frankfurt a/M., 1987.
6. *Husserl E.* Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch. Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie // Hua III/I. Den Haag, 1976.
7. *Strawson P. F.* The bounds of sense. L.; N. Y., 1966.

Рукопись поступила в редакцию 12 января 2018 г.

УДК 929 Карамзин + 165.613 + 140.8 + 94(470)“17/18” +
+ 94(44)“17/18”

Б. В. Емельянов

НИКОЛАЙ КАРАМЗИН В КРУГУ ФИЛОСОФСКИХ ПРОБЛЕМ

В статье рассмотрена интеллектуальная биография русского историка Н. М. Карамзина (1766–1826), формирование его философских представлений о человеке, мире, истории. Важным этапом творчества был московский период дружеских контактов с Н. И. Новиковым, участие в его просветительских проектах, отношения с масонами и постепенное разочарование в их мистицизме.

На формирование философских представлений Н. М. Карамзина большое влияние оказало европейское путешествие историка, его встречи и беседы с И. Кантом, Ш. Бонне, К. М. Виландом, И. Г. Гердером, о которых он написал в своих «Письмах русского путешественника». Несколько философских статей Н. М. Карамзин опубликовал в своих журналах «Вестник Европы», «Московский журнал», в альманахе «Аглая». Итогом философского осмысления судеб России является его 12-томная «История государства Российского», а также записка «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении».

Ключевые слова: философия, история, человек, общество, Россия, Франция, Карамзин, Кант, Лафатер.

Имя Н. М. Карамзина прочно вошло в историю русской культуры и общественной мысли как писателя, историка, журналиста, одного из основателей русского консерватизма. Он, как никто другой, по нашему мнению, выразил философские поиски русской мысли конца XVIII — начала XIX в.

***

Николай Михайлович Карамзин родился 1 декабря 1766 г. в селе Михайловка Симбирской губернии в семье отставного военного. Образование он получил в 1775–1781 гг. в пансионе профессора философии Московского университета И. М. Шадена, где в совершенстве овладел французским и английским языками,